

ТРАГЕДИЯ ДЖОНСТАУНА И АМЕРИКАНСКИЕ СЕКТЫ

Д. Е. ФУРМАН

16 ноября 1978 г. в Джорджтаун, столицу Гайаны, прибыл конгрессмен от штата Калифорния Лео Райен. С ним были журналисты и несколько родственников членов американской секты «Народный храм», организовавшей колонию-коммуну в джунглях неподалеку от границы с Венесуэлой. Райен прибыл для расследования слухов о том, что членов этой секты удерживают в колонии, названной Джонстауном по имени основателя секты Джима Джонса, силой. На следующий день сам Джонс, который всячески противился визиту Райена и даже перед этим послал ему подписанную всеми колонистами петицию с просьбой оставить их в покое, принимал конгрессмена в Джонстауне.

Коммуна произвела на Райена очень приятное впечатление: веселые люди, детский сад, библиотека, клуб, мастерские. Ночевать группу на месте, однако, не оставили, и она разместилась неподалеку, в местечке рядом с посадочной площадкой, где приземлился доставивший их из Джорджтауна самолет. Местечко это соединялось с колонией дорогой в джунглях, по которой из-за непролазной грязи можно было проехать лишь с помощью трактора.

На следующий день Райен и его спутники вновь приехали в Джонстаун. На этот раз обстановка была иная. Вопрос об оружии, по слухам, хранившемся в Джонстауне, заданный одним из журналистов Джонсу, вызвал у него почти истерику. Нашлись среди колонистов желающие уехать вместе с Райеном, причем они сообщали об этом тайком, явно боясь Джонса. Один из колонистов неожиданно бросился на Райена с ножом, но его остановили люди, сопровождавшие конгрессмена.

Наконец, группа Райена и беглецы выбирают из Джонстауна и прибывают к посадочной площадке. Не успели они погрузиться в самолет, как один из беглецов и внезапно появившиеся вооруженные колонисты, добравшиеся с помощью трактора из Джонстауна, открыли стрельбу, в результате которой Райен, три журналиста и один беглец были убиты.

Но самое страшное было потом. Когда в Джонстаун прибыло подразделение гайанской армии, оно обнаружило вымерший поселок и гору трупов. Пока происходили описанные события, 911 жителей поселка, в том числе и вернувшиеся сюда убийцы Райена, покончили с жизнью, приняв сильнодействующий яд. Несколько уцелевших свидетелей рассказали, что матери и работники яслей сами давали яд детям. Многие трупы лежали вместе, обнявшись,— муж, жена, ребенок... Джонс пустил себе пулю в лоб.

Секта Джонса имела маленький дом в Джорджтауне, подобие гостиницы или общежития для приезжающих колонистов. В этот день

одна из ближайших помощниц Джонса, находившаяся там, разговаривала с ним по радио. После разговора она перерезала горло своим трем маленьким детям, а затем и себе¹.

Что же произошло в Джонстауне? Что побудило этих людей к массовому самоубийству?

К сожалению, хлынувший сейчас в прессу громадный поток информации о ранее почти неизвестной секте Джонса, одной из приблизительно 2 тыс. (точного числа никто не знает) больших и малых американских сект, все же не дает полной картины ее истории, идеологии и организации. Со временем, когда будут опубликованы сохранившиеся в Джонстауне документы², когда журналисты и судебные органы соберут показания у оставшихся в живых или ранее покинувших ее ряды членов, деятельность этой секты (очевидно, обреченной после Джонстауна на исчезновение) станет яснее, и многие возникающие сейчас представления, возможно, будут уточнены. Тем не менее, хотя сейчас еще нельзя дать развернутый ответ на все поставленные вопросы, имеющиеся данные позволяют выдвинуть гипотетическую версию о внутренних пружинах гаианской трагедии.

Но прежде о том, что представляют собой сами секты.

США выступают в качестве, если можно так выразиться, крупнейшего в мире «производителя», а также «экспортера» и «импортера» сект³. Достаточно сказать, что такие распространившиеся сейчас повсеместно секты, как мормоны, адвентисты седьмого дня, пятидесятники, неговисты американского происхождения, множество сект, возникавших в самых разных уголках мира, от Швеции (сведенборгиане) до Южной Кореи (мунисты), устремлялись в США и находили там благодатную почву. Так было на протяжении всей американской истории.

Исследователи религий пока не выработали единой, исчерпывающей типологии религиозных организаций и соответствующих им общепотребительных терминов, но все же три основных типа религиозной организации вырисовываются в социологии более или менее четко⁴.

Основной и наиболее характерный для американского общества тип — так называемая деноминация⁵. Это организации с соответствующей принципам буржуазного общества в США внутренней структурой (господством выборного начала, принятием решений большинством и т. д.), религиозно терпимые, не догматичные.

Иной организационной структурой обладают, скажем, завезенные в США католическая и православная церкви. Их структура складыва-

¹ Фактическая сторона этих событий подробно изложена в американской прессе, в частности в журналах «Тайм», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», «Ньюсвик» от 4 декабря 1978 г. Эта картина постепенно пополняется новыми подробностями.

² Джонс оставил после себя множество документов, он явно стремился к тому, чтобы все происходившее в Джонстауне стало достоянием истории. К сожалению, часть этих документов погибла, кое-что было растаскано. Значительная часть оставшихся материалов сейчас публикуется прессой. Особый интерес вызывают письма-исповеди, направленные Джонсу сектантами (таков был своеобразный способ их идеологической обработки); они опубликованы пока лишь частично.

³ Крупнейший английский исследователь сектанства Б. Вильсон пишет: «Сектантские идеологии... были основной статьей американского экспорта, особенно после второй мировой войны» (B. Wilson. Religious Sects. London, 1970, p. 230).

⁴ Три характеризуемых ниже типа — не четко изолированные друг от друга группы, а три «крайние точки», в пределах которых можно расположить отдельные организации, и одновременно как бы три «измерения» для любой такой организации.

⁵ Таковы прежде всего важнейшие американские протестантские церкви — объединенная пресвитерианская, объединенная методистская, объединенная церковь Христа, епископальная и др. О понятии «деноминация» см. D. Martin. A Sociology of English Religion. London, 1967; J. Wach. The Comparative Study of Religions. Chicago, 1958.

лась в условиях монопольного господства этих церквей в обществе. Это авторитарные, строго иерархические организации, которые лишь с трудом и постепенно принимают буржуазно-демократические ценности, отказываются от догматической нетерпимости, «деноминационализируются».

И наконец, третий тип — это секты. Как и организации второго типа, секты претендуют на абсолютную истину и нетерпимы. Но если названные во втором случае церкви — организации древние, идеологически и организационно приспособленные к монопольному господству, секты — это недавно возникшие организации противопоставляющего себя обществу религиозного меньшинства⁶. Остановимся подробнее на их характеристике.

Прежде всего, только что возникшая секта — результат проповеди ее основателя, внушившего сектантам, что именно ему впервые открылась «спасительная истина». Как правило, внушить такую веру может лишь человек, обладающий сам огромной верой в себя и в свою избранность. Обычный источник такой уверенности — болезненная психика. Большинство основателей американских сект (основательница исчезнувших сейчас шейкеров Энн Ли, основатель мормонов Дж. Смит, основательница адвентистов седьмого дня Э. Уайт и др.) имели видения, слышали «голоса» и вообще так или иначе «общались» с потусторонним миром⁷.

Секта возникает на основе страстной и нерассуждающей веры в новое, непривычное, презираемое большинством общества учение. В секте царят энтузиазм, беспрекословное повиновение основателю; никакой правильной бюрократической или выборной организации, характерной для основных американских церквей, в сектах быть не может.

При всем многообразии идеологий сект в них всегда присутствуют следующие логически взаимообусловленные элементы.

1. Это прежде всего представление о предшествующей основанию секты эпохе как времени заблуждений и страданий, будь то господство дьявола, отступления от истинно христианского учения и связанная с этим моральная деградация общества или (как у «черных мусульман») господство белого человека и незнание черными своего собственного великого прошлого и своего предназначения⁸. Наличие подобной негативной оценки прошлого оправдывает сам факт появления секты, ибо если сектантская вера — это великая истина, значит, время,

⁶ Секта существовать долго не может, она перерастает со временем в организацию иного типа. Те секты, которые не распадаются после смерти своего основателя (что обычно и происходит), постепенно перерастают в деноминации. Есть, однако, секты, которые смогли изолироваться от общества настолько, что в течение веков сохраняют и обособленность и нетерпимость. В США это, например, амиши и братья-хуттериты, секты германского происхождения, сохранившие язык и одежду XVI в., эпохи своего возникновения, и образовавшие изолированные от общества анклавы. По отношению к таким сектам социологи иногда употребляют термин «установленные (established или institutionalized) секты».

⁷ Основатели сект нередко прибегают и к обману, полагая, что истина, в которой они уверены, настолько велика и важна, что для ее распространения оправданы все средства. Фанатизм этих проповедников, их вера в свою правоту, способность внушать веру в свое учение, религиозное рвение составляют их отличие от обычных мистификаторов, злоупотребляющих чужим доверием.

⁸ О негритянских сектах см. A. H. Fausel. *Black Gods of the Metropolis. Negro Religious Cults of the Urban North*. Philadelphia, 1944; E. Essien Udom. *Black Nationalism. A Search for an Identity in America*. London, 1963; L. Lomax. *When the Word is Given. A Report on Elijah Muhammad Malcolm X., and the Black Muslim World*. N. Y., 1963; H. Brotz. *The Black Jews of Harlem*. N. Y., 1970. См. также автобиографию Малькольма Икса (X. Malcolm. *The Autobiography of Malcolm X*. N. Y., 1969).

когда этой веры не существовало, было эпохой великого заблуждения⁹. От идеологии секты зависит, какой именно взгляд на прошлое избирается в конкретном случае.

2. Это представление об основателе секты как о человеке, которому открылась абсолютная истина. Опять-таки осмысление его личности может быть разным. В идеологии секты он может считаться великим пророком (Дж. Смит, Э. Уайт), великим мыслителем (М. Бейкер Эдди) и даже богом (таинственный основатель «черных мусульман» Фард, другие основатели сект негритянских трущоб), но во всяком случае «великим» он должен быть обязательно.

3. Любой основатель преподносит ученикам некую истину, гарантирующую «спасение» от гибели всем тем, кто поверил в нее. Сектантская идеология с ее представлениями о прошлом, будущем и о личности основателя и составляет эту истину. Сюда же непременно входят предписания конкретных действий, необходимых для «спасения», а также различных запретов, табу (например, адвентисты седьмого дня не должны работать в субботу, «черные мусульмане» обязаны получить новые имена и фамилии и т.д.); существуют многочисленные моральные запреты и т.п. Обладание спасительным знанием делает сектантов святыми, непризнанной, но истинной элитой мира.

4. Современная эпоха обязательно расценивается сектой как эпоха «переходная», когда истина уже явилась, но еще не победила, как время ожесточенной борьбы зла и добра, столкновения космического, но имеющего земной эквивалент в борьбе сектантов с окружающим миром.

5. Секта, само собой разумеется, верит в неизбежность победы открытой ей и воплощаемой ею истины. Поэтому в любой сектантской идеологии обязательно присутствует представление о том, что мир очень скоро будет радикально преобразован в результате окончательной, космической победы сил добра. Неверующие, не обладающие спасительным знанием, будут уничтожены (или не воскрешены, или воскрешены и вновь уничтожены) либо подчинены верующим, которые будут или единственными обитателями, или элитой нового, преобразованного мира.

Какой бы причудливой и оригинальной ни была проповедь основателя, она неизбежно укладывается в приведенную выше схему. Поэтому сходство идеологий сект происходит не из заимствования ими друг у друга (или у какого-то общего источника, вроде «Нового завета»¹⁰) общих идей, а скорее из типологической общности психологических «защитных механизмов», «срабатывающих» в сходных ситуациях.

Сектантские идеологии — порождение психологии людей, мучительно недовольных своей жизнью, своим положением в мире и не видящих «нормальных» путей к его изменению. Поэтому секты, как правило, организации бедняков, и в США среда, наиболее благоприятная для рождения самых экзотичных сект, где они появляются как грибы после дождя, — это городские негритянские трущобы¹¹. Низкий образователь-

⁹ Как правило, наряду с резко негативным представлением о непосредственном прошлом в идеологии сект присутствует смутное представление о прекрасном далеком прошлом — например, о мифологической эпохе прошлого величия черных (у «черных мусульман» и «черных евреев»), эпохе раннего христианства и т.д. «Золотой век», которого явно нет в настоящем, просценируется одновременно и в прошлое, и в будущее.

¹⁰ Секты, отвергающие или «отодвигающие» на второй план «Новый завет», поскольку их основатели претендуют на роль богов или «заслоняющих» Иисуса Христа величайших пророков, воспроизводят эту схему как раз в наиболее яркой, «классической» форме.

¹¹ Хотя в основном секты возникают в «низших» социальных слоях, есть и исключения из этого правила. Характерно, что секты, объединяющие представителей

ный уровень обитателей этих кварталов делает их восприимчивыми к примитивному, архаическому мифологизму сектантских идеологий.

Какие психологические потребности удовлетворяют сектантские идеологии? Униженных и несчастных они превращают в «истинную элиту», в обладателей высшего знания, в «спасенных», в то время как господствующая в обществе элита, которую сектанты ненавидят (одновременно ей завидуя), превращается в псевдоэлигу. При этом сектанты уверены, что очень скоро, после недолгого «переходного периода», псевдоэлита погибнет, а они станут элитой не только по духу, но и вполне ощутимо и зримо. Таким образом, идеология секты спасает их от «комплекса неполноценности». Сектант, с души которого снимается мучительное сознание собственного бессилия и униженности, может обрести в себе силы, необходимые для того, чтобы порвать с пороками городских трущоб (в сектах негритянских гетто очень часто состоят бывшие наркоманы, проститутки, уголовники), начать новую, более упорядоченную жизнь, причем зримые успехи в этой новой жизни выступают для него как несомненные доказательства истинности принятого им учения. Наконец, в секте он находит ответы на все мучительные для него вопросы, предлагаемая ему картина мира цельна, понятна, в ней — руководство для самых разных ситуаций, система необходимых предписаний на все случаи жизни. Наконец, что очень важно, он находит здесь среду близких, готовых ему помочь в трудную минуту людей, «чувство локтя».

Почему социальный протест, неудовлетворенность окружающей действительностью в США скорее, чем в других капиталистических странах, принимает сектантскую форму? Почему секты так распространены именно в США? Очевидно, одной из важнейших причин здесь выступает и специфическое для Соединенных Штатов отношение к религии. Это страна, не знавшая в прошлом господства догматической иерархической государственной церкви, страна изначально плюрализма протестантских деноминаций (именно поэтому американская революция не приобрела антиклерикального характера). Идеология Соединенных Штатов выросла на религиозной терпимости, закрепленной отделением церкви от государства, и в то же время на признании высокой ценности христианства, религии вообще. Поэтому для массового американского сознания и поныне характерны одновременно и религиозная терпимость, и отсутствие антиклерикальных настроений в связи с высокой ценностью, придаваемой религии, и в то же время значительная степень нетерпимости к атеизму. Характерно замечание Д. Эйзенхауэра: «Наше правительство не имеет никакого смысла... если только оно не основано на глубоко прочувствованной религиозной вере; какая это вера, для меня неважно»¹². Такое отношение к религии содействует возникновению и распространению сект, тем более что последние способствуют сохранению устойчивости американского буржуазного общества.

Прежде всего секты канализируют в массу русел разнообразных религиозных идеологий социальный протест, который мог бы быть направлен в единое русло революционной социально-политической идеологии. Давая иллюзию выхода накопившейся у сектантов ненависти к окружающему обществу, они уповают на «сверхъестественное» реше-

«средних слоев», часто рядятся в псевдонаучные облачения (что видно хотя бы из самих их названий — «христианская наука», «сциентология») и концентрируют свое внимание на проблемах извлечения болезней, на проблемах, способных породить отчаяние и безысходность у богатых людей. Для нашего времени характерен также уход в секты многих выбитых из колен, люмпен-пролетаризировавшихся молодых выходцев из интеллигенции и буржуазии.

¹² Цит. по: W. Herberg. Protestant — Catholic — Jew: An Essay in American Religious Sociology. N. Y., 1956, p. 97.

ние мучительных для сектантов проблем и способствуют не включению их в сознательную политическую борьбу, а выходу из нее.

Что происходит с вновь возникшей сектой? Чтобы «выжить», она должна решить общие для всех сект проблемы. Прежде всего проблему организации и идеологической дисциплины, которая становится особенно острой в момент смерти основателя, обладающего абсолютным авторитетом и властью. В это время энтузиазм сектантов и неминуемая внутренняя борьба за власть могут привести к появлению ряда конфликтующих авторитетов различных самозванных преемников основателя, носителей «абсолютной истины». Секта не развалится в этот момент (а это как раз период максимальной «смертности» сект) только в том случае, если она осуществит замену личного авторитета основателя безличным авторитетом организации; отныне именно организация принимает идеологические документы, обязательные для ее членов.

Во-вторых, требуется решить проблему взаимоотношений секты с обществом. Даже если сектантов не преследуют, они все равно живут в крайнем напряжении, ибо все то, что для них свято, для общества в лучшем случае безразлично. Для снятия этого напряжения, для предохранения от идущих извне «вредных» идеологических влияний секта должна изолироваться от общества. Самыми разными путями ограничиваются контакты сектантов с несектантами: создаются предприятия, где работают лишь «свои», создаются собственные системы проведения свободного времени, образования, происходит внешнее выделение из общества за счет особой одежды (у «черных мусульман», у амишей и хуттеритов, раньше у квакеров), культивируется язык (происходит изучение арабского и еврейского негритянскими нехристианскими сектами, консервируется старонемецкий у амишей и хуттеритов и др.), наконец, предпринимается территориальное обособление (наиболее яркий пример — бегство мормонов в прошлом веке в район Юты и создание там своего государства¹³).

Иногда обособление бывает настолько прочным, что организация консервируется надолго. Но, как правило, достигается лишь необходимый минимум прочности и устойчивости. Во втором и третьем поколениях психологический климат секты меняется: «горячность веры» уменьшается, зато возникает привычка. Часто при этом происходит некоторое улучшение — за счет аскетизма, бережливости, упорного труда — социального положения сектантов¹⁴. И ценности буржуазного общества начинают постепенно «проникать» в секту, внутренне преобразуя ее. Так буквально на наших глазах происходит бурный процесс «обуржуазивания» фанатичной, привлекавшей к себе в 60-е годы всеобщее внимание негритянской секты «черных мусульман».

Таким образом, секты не просто канализируют социальный протест в относительно безопасное русло, но и способствуют усвоению буржуазных ценностей представителями наиболее психологически чуждого им, социально взрывчатого слоя.

История американских сект отнюдь не идиллична. В их рядах находили и находят место люди фанатичные, часто одержимые ненавистью к греховному миру. Эта история знает «мормонские войны», вооруженную борьбу отстаивающих свою независимость и веру (включая принятый ими в то время принцип многоженства) членов

¹³ Американские сектанты часто создают поселения, коммуны с общей собственностью. Наиболее известны процветающие и поныне коммуны хуттеритов. В этом смысле образование «Народным храмом» коммуны в Гайане — явление вполне нормальное для сект. С той лишь разницей, что идеологическое обоснование в данном случае, как мы увидим, было своеобразным.

¹⁴ См. G. Schwartz. *Sect Ideologies and Social Status*. N.Y., 1970, а также статьи в сб. «Religious Movements in Contemporary America». Ed. by I. Zaretsky and M. Leone. Princeton, 1974.

этой секты с американскими войсками и поселенцами в Юте, знает убийства отступников «черными мусульманами» и др. В целом, однако, американское буржуазное общество максимально стремится смягчить конфликт с сектами, идя им на самые разные уступки, разрешая сектантам не служить в армии, не салютовать флагу, создавать свою систему образования и т. д.

Поэтому трагическое событие в Джонстауне объяснить значительно труднее, чем, например, самосожжения раскольников, преследуемых православной церковью и государством. Очевидно, финал истории «Народного храма» связан с каким-то глубоким своеобразием этой секты. В чем же это своеобразие?

Идеология и организация «Народного храма», как и любой секты, центрированы на личности основателя, Джима Джонса. Кто же такой был Джонс?

Он родился в 1931 г. в городе Линн, в Индиане, в семье рабочего. По словам Джонса, мать его была наполовину индианка (что его родственники отрицают), а отец — белый расист, член ку-клукс-клана. Родители жили плохо и в 1945 г. разошлись. В 1949 г. Джонс женился на медсестре Марселин Болдуин (она погибла вместе с ним в Джонстауне). В 1959 г. он окончил вечернее отделение университета в Индианаполисе.

Идейно Джонс являет собой яркий пример бунта детей против отцов. Джонс вспоминал, что отец бил его за то, что тот дружил с негритянскими детьми. Но, как часто бывает при бунте детей против отцов, радикально меняя идеологию, дети наследуют психологию предшествующего поколения. Отец Джонса был правый экстремист, сам Джонс стал экстремистом левым, не нашедшим места ни в какой организации и оказавшимся «революционером-одиночкой». Его кумиром становится «герой» западных «ультрареволюционных» интеллигентов Мао Цзэдун (кумир этот, правда, пошатнулся в его глазах после американо-китайского сближения). Одновременно Джонс становится религиозным проповедником. Возможно, началось все это случайно. Есть сведения, что, когда ему было 14 лет, черные друзья приглашали его читать Библию в своих конгрегациях. Увлечшись затем левым экстремизмом, он не оставляет, однако, и проповедничество. Как же Джонс совмещал свои крайне левые убеждения с религиозными проповедями? Почему он выбрал такой путь?

Сам Джонс впоследствии вспоминал, что он пытался вначале «прямо заявить» о своих политических убеждениях, но лишь наталкивался на враждебность и преследования, после чего он и принял маску религиозного проповедника¹⁵. Занятие в США привычное и почтенное.

Второй причиной такого выбора была естественность обращения к наиболее социально-взрывчатому слою, представители которого в 60-е годы неоднократно устраивали бунты, к исполненному отчаяния и ненависти негритянскому люмпен-пролетариату. Но при всем бунтарском духе этого слоя его представителям труднее усвоить атеистическую идеологию, зато очень легко — любую другую, облекающую социальный протест в сектантски-религиозную форму. Джонс решает создать свою секту¹⁶ и использовать ее «в революционных целях». Как сказала же-

¹⁵ «The New York Times», December 20, 1978.

¹⁶ Появление в негритянских трущобах белого проповедника, не жалевшего сил для помощи черным, берущего под свою опеку бездомных детей (Джонс усыновил восьмерых, в том числе негритенку и корейку), причем проповедника какой-то «своей», необычной религии, несомненно, создавало «сектообразующую» ситуацию. Достаточно было, чтобы он вдобавок кого-нибудь «исцелил», — и найдутся люди, которые провозгласят его новым Иисусом Христом. Джонс к тому же основательно подготовился к своей роли, изучив «опыт» двух других негритянских сект — «епископа благодати» и «божественного отца» («Newsweek», December 4, 1978, p. 28).

на Джонса: «Джим пользовался религией, чтобы отвлечь людей от религиозного опнума»¹⁷. В Индианаполисе Джонс создает общину, с 1963 г. именующуюся «Народным храмом».

С другими основателями сект Джонс роднит гипертрофированное представление о собственной личности. Джонс — несомненный невротик с паранойяльными тенденциями. Однако это представление у него — все же не результат галлюцинаций, как у Э. Ли, Э. Уайт, Дж. Фокса или И. Сведенборга. Джонс не был человеком, ушедшим в мир собственных грез. Он был устремлен «вовне», активно и с успехом участвовал в политической деятельности, что для основателей сект совсем не характерно. И идеология Джонса — это не создающая созерщенио фантастический мир религиозная идеология, а идеология экстремистского политического сектантства. Вот как вырисовывается это мировоззрение из высказываний Джонса и сохранившихся документов.

Американское общество клеймится им как буржуазное, расистское, милитаристское. В этом обществе заправляют зловещие ФБР и ЦРУ, которые плетут заговоры. Надвигается страшный экономический кризис, после которого произойдут подготавливаемый ими фашистский переворот, сопряженный с массовым истреблением черных, и ядерная война¹⁸. Сам Джонс мыслится как один из величайших вождей, преемник и продолжатель дела великих революционеров. Он — единственный, видящий неизбежность этого страшного будущего и прокладывающий путь к «социализму-коммунизму»¹⁹.

Секта Джонса подготавливается специально в расчете на близкий социальный катаклизм. В будущем хаосе она выступает как сплоченная дисциплинированная сила, которая организует мятущихся людей²⁰, распространит выработанные в своих коммунах новые формы жизни и спасет этим общество. После чего наступит всеобщее благоденствие, а Джонс и его люди, спасшие других от хаоса, станут элитой в этом благодарном им обществе...

Довольно типичная левацко-экстремистская идеология, не такая уж далекая от воззрений Мао или Пол Пота, разве что, может быть, чуть грубее, гротескнее. И одновременно она близка к идеологии религиозного сектантства. Можно даже сказать, что это обычная идеология религиозного сектантства, но лишенная «потусторонней перспективы» и перенесенная в земной план; она не создает условного, фантастического мира, а карикатурно интерпретирует реалии этого мира.

Именно отсутствие в идеологии Джонса «потусторонней перспективы» имело очень важные следствия для внутреннего строения и судьбы основанной им секты. В обычной идеологии религиозной секты высшая ценность — спасение за гробом, и средство его достижения — вера; у Джонса высшая ценность, эквивалент «спасения» — земной успех. Средства для его достижения — это действия секты. Для Джонса его люди — не группа избранных обладателей истины, которые будут вместе с ним наслаждаться загробным блаженством, а скорее отряд, который должен выполнить определенное задание. Поэтому дисципли-

¹⁷ «The New York Times», November 26, 1978.

¹⁸ Как уже говорилось выше, в сектантских идеологиях обычно присутствует представление об утрате времени добра и истины. Есть ли нечто подобное у Джонса? Во-первых, у него прослеживается идеализация «дондустриального общества» (см. интервью в журнале «Экспресс» от 20 декабря 1978 г.; данное французом, бывшим членом секты). Во-вторых, в этих документах сквозит идея об утрате всеми революционерами (кроме Джонса) чистоты революционного учения.

¹⁹ В одном из многочисленных писем сектантов Джонсу сказано: «Ты претворяешь в жизнь принципы социализма-коммунизма более высокие, чем кто-либо во всем мире» («Newsweek», December 4, 1978, p. 39).

²⁰ Один из джонсовцев заявлял: «Мы должны быть цельной группой, которая организует других людей, когда они будут метаться в панике» («San-Francisco Examiner», August 14, 1977).

на, повиновение сектантов для него важнее их «правильной» веры, и он может внушать своим сектантам любые заведомо для него ложные идеи, лишь бы достичь этой дисциплины, применяя методы, напоминающие методы русского «революционного» авантюриста прошлого века С. Нечаева.

Социальный состав «Народного храма» поразительно неоднороден для секты. Он состоял как бы из двух частей. Была в нем группка молодых выходцев из высших слоев американского общества, выпускников или бывших студентов элитных университетов, представителей характерного для 60-х годов слоя мятущейся, бросающей вызов буржуазному обществу молодежи. Эти люди, вероятно, разделяли истинные взгляды Джонса. Но основную (80—90%) массу сектантов составляли представители едва грамотного негритянского люмпен-пролетариата. Люди, способные поверить скорее в магию амулета и загробное блаженство, чем в «революционную» проповедь Джонса. Они охотно поверили, что Джонс воскрешает мертвых, излечивает от рака, что он всевидящий, что его фотографии обладают, подобно иконам, магическими свойствами — одна может предохранять от пожара, другая — от болезни, третья — от несчастного случая и т. д. Джонс был для них спасителем, богом²¹. Прекрасное будущее, к которому он обещал привести, включало, очевидно, и загробное блаженство (известно, что учение Джонса предусматривало новые воплощения после смерти, которые зависели от поведения в «этой» жизни)²².

«Народный храм» нельзя понять без учета того, что сектанты действительно были глубоко преданы Джонсу, верили ему, любили его. У него они нашли смысл жизни, уважение к себе. Они впервые общались с образованными белыми, которые не снисходительно «заботились» о них, но жили с ними, как равные с равными. Бывшие наркоманы, проститутки, «отребье» трущоб впервые ощутили себя людьми. Жизнь в коммуне освободила бедняков от постоянной неуверенности в завтрашнем дне, здесь кусок хлеба был гарантирован, все проблемы решаемы, царил порядок; для многих сектантов это уже был переход из «ада» в «рай». Террористический режим в «Храме» держался не на одном лишь страхе: прежде всего он предполагал веру.

И тем не менее проблемы повиновения должны были стоять в секте особенно остро в силу ее крайне разнородного (психологически, культурно, даже идеологически) состава и пронизывающей ее жизни системы лжи и манипуляций.

Вновь вступивший в секту Джонса попадал в сложную иерархическую организационную структуру. Наверху ее стоял, естественно, Джонс, ниже — 12 «ангелов», затем «Комиссия храмового планирования» (около 100 человек) и другие комиссии, затем сектанты, живущие в коммунах, затем аморфная масса «неполных» членов секты.

²¹ Один из бывших сподвижников Джонса говорит, что когда тот переехал в Калифорнию, то «перестал называть себя воплощением Иисуса и начал называть себя просто Богом» («Time», December 4, 1978, p. 13). В письмах сектантов, написанных ими уже в Джонстауне, Джонс именуется «спасителем». В одном письме говорится: «Отец — чудесный, чистый... и сверхъестественный» («Time», December 11, 1978, p. 41).

²² «The New York Times», November 30, 1978. В хаосе принятых сектой взглядов трудно определить грань между действительными воззрениями самого Джонса и тем, что предназначалось для других. Верил ли сам он, например, что американское правительство готовит газовые камеры для негров, или только их запугивал этим? Всерьез ли он верил, что есть «мистическое соответствие» между его жизнью и деятельностью великих революционеров («The New York Times», November 29, 1978, p. a-14), или выдумал это для сектантов?

Джонс стремился сделать так, чтобы попавший в секту уже не мог выйти из нее. При вступлении не только требовалось передать секте все имущество (что характерно для любой секты, живущей коммуной), но члены ее должны были подписать письменные признания в преступлениях, которых они не совершали, расписываться на чистых листах бумаги, где потом можно было воспроизвести что угодно, и т. д. Люди чувствовали себя заговорщиками, носителями «тайны», которую нельзя было «предать».

Для поддержания дисциплины применялись террористические методы, публичные порки, другие виды телесных наказаний, а в Гайане — и «лечение» непослушных депрессантами. Большое место занимали разные публичные «проработки», выступления с «самокритикой», писание разного рода заявлений-исповедей, найденных во множестве в Джонстауне. Наконец, Джонс попросту запугивал потенциальных отступников убийством.

Все это в целом создало группу беспрекословно повинующихся Джонсу людей. Как же он их использовал, в каких взаимоотношениях эта группа находилась с обществом?

Созданная в расчете на грядущий катаклизм секта Джонса «пока» используется им в политической борьбе. Развернутая Джонсом политическая деятельность проходила довольно успешно. Секта была мобильным, эффективным организмом: по единому слову Джонса люди ночи напролет сочиняли письма протеста (или в поддержку), подписываясь не только своими, но и вымышленными именами, они могли мгновенно явиться на любой митинг, поддерживать — или, наоборот, срывать — выступления ораторов. Голосовали они, естественно, так, как приказывал им Джонс. Это делало секту определенной политической силой в городах, где она последовательно базировалась. Еще один фактор способствовал политическому влиянию Джонса — его благоприятный «имидж» в либеральных кругах.

Дело в том, что «эзотерическую» идеологию Джонса знала лишь очень узкая группа. Внешне же она выглядела как левая, антирасистская, но все же реформистская идеология с неким (каким именно, толком никто не знал и не интересовался) не навязываемым никому особым религиозным аспектом. И политические действия Джонса соответствовали этому либерально-реформистскому «имиджу»²³.

Более того, он и его секта служили живым укором американским либералам. Те выступали за права черных, за борьбу с трущобами и т. д., но это не мешало им оставаться людьми своего круга; другое дело — жить среди неграмотных бедняков, деля с ними их тяготы в мире трущоб. Для либералов Джонс был человеком, который делает то, о чем они только говорят.

Политическое влияние Джонса проявляется уже в Индианаполисе, где он стал занимать относительно важный пост председателя комиссий по гражданским правам. Но это влияние, конечно, было совсем не тем успехом, который был нужен Джонсу, и оно было сопряжено с постоянным страхом разоблачения.

И как только нависает угроза (церковные круги заинтересовываются шарлатанскими исцелениями от рака, власти — передачей сектан-

²³ Один из парадоксальных моментов в деятельности Джонса: либералом он был не только на словах, но и на деле; «революционность» его, собственно, ни в чем не проявлялась, а его действия ограничивались политическими и благотворительными акциями в помощь беднякам и никак не выходили из рамок умеренности. Джонс полагал, что, пряча свою «революционность», он этим «идет за нос» буржуазное общество. На самом же деле, вступив в политическую игру и спрятав свою «революционность», он был вынужден принять правила этой игры.

тами всех прав на собственность секте и другими неясными аспектами ее жизни), Джонс бросает все и с группой преданных ему сектантов переправляется в Калифорнию, в штат, где число сект бесконечно и появление новой не способно никого удивить, даже заинтересовать.

Вначале секта обосновывается в городишке Юкайе, где быстро приобретает влияние, затем Джонс перебирается в Сан-Франциско.

Здесь наступает расцвет «Народного храма». Секта растет, в ней около 2 тыс. человек и не менее 20 коммун, отделения в Лос-Анджелесе и других городах, ей принадлежит (результат передачи собственности и заработка сектантов, пожертвований «со стороны» и деловых операций) собственность стоимостью до 10 млн. долл. Политическое влияние Джонса достигает пика. Кто только ни побывал у него в «храме», и с кем только он ни фотографировался! Впоследствии, после джонстаунской трагедии, когда искавшая «козла отпущения» американская пресса начала обвинять гайанское правительство в «недосмотре», власти этой страны опубликовали рекомендательные письма, с которыми приехал к ним Джонс. В том числе письма сан-францисских мэров Дж. Москоуна и Дж. Алиото, а также вице-президента США У. Мондейла (написавшего Джонсу: «Известная мне глубокая вовлеченность вашей конгрегации в важнейшие социальные и конституционно-правовые проблемы нашей страны служит для меня источником величайшего вдохновения»), министра здравоохранения, образования и социального обеспечения Дж. Каллифано, покойного сенатора и кандидата в президенты Г. Хэмфри, бывшего директора Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Р. Уилкинса. К Джонсу и сектантам приходили губернатор Калифорнии Э. Браун и вице-губернатор М. Димелли²⁴, он фотографируется вместе с Розалин Картер, женой будущего президента, после того как помог ей организовать собрание во время шедшей тогда предвыборной кампании.

Но этот успех сомнителен для «революционного мессии» — и непрочен. Чем больше известность, тем сильнее страх разоблачения. И когда действительно появляются разоблачительные статьи (в журнале «Нью Уэст»), реакция на них Джонса вновь паническая, как в Индианаполисе. В июле 1977 г. он отправляется с группой сектантов в Гайану²⁵, а в августе, после громогласных статей в «Сан-Франциско экземинар», переправляет туда основную массу своих последователей.

В созданном им Джонстауне основатель секты, очевидно, сбрасывает религиозную маску и освобождается от необходимости считаться с американскими порядками. Его проповеди становятся более откровенными. Но для стареющего «великого революционного вождя» коммуна в Гайане и роль деревенского царька — это крах. Джонс опускается и «распоясывается», его внимание все больше поглощают сексуальные оргии, наказания провинившихся становятся все изощреннее, с элементами садизма, Джонс превращается в мелкого тирана.

Но и Джонстаун, убежище, которое он создал ценой отказа от деятельности в США, ставшее свидетельством провала его честолюбивых планов, не приносит ему покоя. Джонс убежден, что и здесь до него доберутся. Он панически боится ФБР, ЦРУ. Ему, «великому революционеру», ведущему дьявольскую игру с властями, они этого не простят. Возможно, агенты уже здесь, среди сектантов. Он планирует бежать куда-то дальше, в другие страны, недоступные для ФБР. Но

²⁴ «The New Republic», December 2, 1978, p. 6.

²⁵ Выбор этот понятен. Гайана — многорасовая страна с громадным преобладанием черных и индейцев, говорящих на английском языке, которой идеологически близка идея сельскохозяйственной коммуны, и вообще этой стране нужны люди, осваивающие ее бескрайние джунгли. Сейчас в Гайане нашли убежище несколько негритянских сект, эмигрировавших из США, в основном близких к «черным свреям» («The New York Times», November 27, 1978).

никому не нужна подозрительная американская секта с неясной идеологией и странной внутренней жизнью. И параллельно с надеждами на бегство созревает другой план — самоубийства.

Коллективный уход из жизни был реализован так, как была организована вся жизнь секты, — сочетанием убеждения и запугивания, искренности и лжи, преданности и страха. План самоубийства на случай, если и в Джонстауне до секты «доберутся», разрабатывается задолго вперед. Джонс внушает сектантам, что «революционное самоубийство» — это прекрасно, что это поставит их в один ряд с другими мучениками-революций, что в противном случае их все равно ждет гибель. И они соглашаются. В бумагах, найденных в Джонстауне, много записок, в которых сектанты выражают одобрение этой идеи. «Если капиталисты придут... — пишет 11-летний мальчик, — я просто сразу же приму питье»²⁶. Джонсу никогда не были по-настоящему важны убеждения его последователей, но были важны их повиновение, их действия. Он и здесь не обходится без обмана и запугиваний: несколько раз устраиваются инсценировки, всем дают выпить якобы яд, потом выясняется, что это проверка, что выпитое снадобье не было ядом. Те, кто его не выпил, — трусы, их «прорабатывают». К таким инсценировкам привыкают, перестают их воспринимать серьезно.

Визит Лео Райена и бегство нескольких сектантов, которые, несомненно, рассказали бы о порядках в Джонстауне, что повлекло бы разоблачение и вмешательство властей, были восприняты Джонсом как конец. А после убийства Райена (совершенного, вероятно, сгоряча, без обдуманной цели) никаких надежд вообще не осталось. Виновных ждало возмездие. И план самоубийства был осуществлен.

Когда произошла джонстаунская трагедия, органы печати в США начали искать виновных. Обвиняли госдепартамент и посольство США в Гайане в том, что они не обратили достаточного внимания на «сигналы» о терроре в Джонстауне. Прессой был задан вопрос, куда смотрели власти в Сан-Франциско, а впоследствии гайанские власти. Кроме обвинений в адрес конкретных лиц газеты стали писать вообще об «ужасах сект». Консервативные органы с радостью обрушились на поддерживавших Джонса либералов и радикалов.

Но происшествие такого масштаба — это не обычное преступление, где легко найти конкретных виновных. Основной виновник — это, несомненно, общество. Трагедия Джонстауна — американская трагедия. Если самосожжения раскольников были гекатомбами, принесенными в жертву нетерпимости православной церкви и государства. Джонстаун стал гекатомбой, принесенной в жертву бедности городских трущоб, расизму, отсутствию в американском обществе возможности дать ясную жизненную ориентацию и приемлемую систему ценностей для миллионов людей, которые вынуждены искать смысл жизни в самых фантастических идеологиях.

Но если общество сделало трагедию Джонстауна возможной, Джонс и его соратники претворили эту возможность в действительность.

В истории уже не раз появлялись проповедники и политики, утверждавшие, что для великой цели все средства хороши и жизнь людей сама по себе никакой ценности не представляет. Джонстаун находится в одном ряду с такими явлениями, как нечаевщина, террор анархистов, как та кровавая бойня, которую устроили в Кампучии Пол Пот и Иенг Сари, не слишком далекие идейно от Джонса.

²⁶ «The New York Times», November 29, 1978.